

Я так и не сумела взять у Камбуровой интервью. Барьер, отделяющий меня от боготворимого мной человека, пока еще слишком велик. Не знаю, уменьшится ли он когда-нибудь? Сумею ли я хоть немного вырасти? Мне страшно и странно осознавать, что мы - современники. Так в 1920 году Марина Цветаева не решилась подойти к Александру Блоку, чтобы подарить ему свои стихи... Так я сама два, три, четыре года назад не отважилась поехать к Анастасии Ивановне Цветаевой, хотя такая возможность не раз представлялась...

В апреле этого года мы с Наташкой, моей подругой, совершенно неожиданно (в последнее время совсем плохо с афишами) узнали о концерте Камбуровой в «Школе современной пьесы». Как всегда, бросили все дела и побежали на Неглинку. Приехали за два часа. Билетов - ни в кассе, ни лишних, естественно, не было, а желающих попасть на концерт становилось с каждой минутой все больше и больше. Мы тут же все пере-знакомились. И старых знакомых, конечно, встретили.

Начались воспоминания.
- Помните концерт в Ленинграде в 196...-м? Я тогда специально прилетела из Таллина...

- А концерт в Алма-Ате?
- А в ЦДКЖ - три года назад?..

Когда в вестибюле стало совсем тесно, нам по очереди пришлось выныривать на холодную улицу. Шел снег с дождем. Водосточные трубы хлестали. Но, несмотря на это, многие держали в руках живые цветы. Хрупкие дождевые капли дрожали на целлофане.

Потом мы купили входные билеты и вошли в театр. Обдумывая, в каком проходе устроиться, неожиданно столкнулись с Юрием Владимировым, фотокорреспондентом, работавшим в нашей редакции. «Девочки, вы что, тоже сюда ходите?» - «Мы - всегда, а ты, ты - тоже?»

Юра посадил нас рядом с собой, на единственный свободный стул, стоящий у сцены. Наташа сидела чуть подале, а я - совсем близко. Когда Камбурова пела, мне казалось, она смотрит мне в глаза.

До этого были наши походы в Театр эстрады и Советской Армии, ЦДКЖ и другие клубы, расположенные преимущественно на окраинах Москвы... Ходили вдвоем, втроем, вшестером, с друзьями - «взрослыми» и бывшими моими учениками. Сейчас я уже не вспомню, сколько же всего концертов Елены Камбуровой я слышала? Наверно, около двадцати за шесть лет. Целая эпоха в моей жизни.

Менялось время - и мое восприятие Камбуровой менялось. Появлялись новые песни. Прежние, не исчезая, становились историей, легендой. «Маленький принц», «Я такое дерево», «Монолог клоуна», «Полночный троллейбус»... - сейчас она не поет их на концертах. Впервые я услышала их два года назад по телевидению (разумеется, ленинградскому, которое регулярно делает передачи о Камбуровой) в программе, посвященной началу ее творческой деятельности. Впервые, впервые - не совсем точное слово. «Маленького принца» мы пели в детстве. О знаменитой песне «Я такое дерево» я столько раз слышала в юности! О песне, но не саму песню, бывает и так. Совсем иначе в исполнении Камбуровой прозвучал окупавский «Полночный троллейбус»...

Камбурова начинала в 60-х. Но к шестидесятикам - ни по возрасту, ни по состоянию ее не отнесешь. По духу, по настрою, по чистоте - да, несомненно. Но не по состоянию. Постшестидесятички жили уже в другом измерении, в эпоху «кислородного голодания», по определению Дмитрия Голубкова, писателя, ушедшего в 72-м. «Как жить, что делать? Ведь все пропадает. Земля заселяется какими-то другими людьми», - писал он в своем романе «Восторги».

Постшестидесятички увидели конец уходящего поезда. У Левитанского: «Один и тот же сон мне повторяться стал».

Мне снится, будто я от поезда отстал.

Один, в пути, зимой на станцию ушел, А скорый поезд мой пошел, пошел, пошел...

Некоторые, впрочем, успели немного проехать в нем. В будущее, в котором это поколение, эта порода людей были лишними. Поколение диссидентов, эмигрантов, гениальных писателей, музыкантов, режиссеров... Поколение бардов, выпевавших свою боль, отчаяние и надежду.

Многие из них уходили рано. Дмитрий Голубков - в 72-м, Геннадий Шпаликов - в 74-м... Эти стихи он написал незадолго до самоубийства:

«... Пустые улицы раскручивал
Один или рука к руке,
Но ничего не помню лучшего
Ночного выхода к реке.

Когда в заброшенном проезде
Открылись вместо тупика
Большие зимние созвездья
И незамерзшая река.

Все было празднично и тихо
И в небесах и на воде.
Я днем искал похожий выход
И не нашел его нигде».

Трагическая и яркая книга о судьбе этого творческого поколения - невос- требованного, не реализовавшегося до конца ни в искусстве, ни в жизни, - еще не написана. Те, кто остался жить, жили трудно. Пытались приспособиться. Ломали себя. Снижали, чтобы не разбиться, набранную однажды высоту. Проходили через испытание признанием, славой, властью, которое оказалось куда более трудным, чем «кислородное голодание» 70-80-х. Мария Арбатова назвала сегодняшнего шестидесятника «гражданином начальником», господствующим на «экранном, эфирном и печатном пространстве». Что ж, эпоха действительно сменилась. Но постшестидесятички - это все-таки другое. Они, говорившие вполголоса, но твердо и настойчиво, все еще ждут (ждутся ли?) общественного признания. Они словно подтверждают слова Дмитрия Сергеевича Лихачева о том, что «природа русской культуры застенчива».

В недавнем разговоре Елены Камбуровой с Дмитрием Дибровым эта мысль звучала несколько раз.

- История про Камбурову - это история про искусство тишины. Той интонации, которая пишется «riapo»...
- Я благодарна, что Вы почувство-

Женщина с острова в океане

Вместо интервью

вали именно это. Я считаю, что о самых главных, самых сокровенных вещах мы говорим тихо. Очень часто меня упрекают в пессимизме, принимают тихое звучание голоса за минор. Но эти песни, по сути своей, более мажорны, чем иные, потому что они о любви к миру, к самому прекрасному. Просто это такая манера высказываться. А иногда можно громко кричать, а суть уходит. Там ее просто нет. Пустота бывает очень воинственной...

Постшестидесятички были беззащитны. Не беспомощны, потому что слабыми их не назовешь. Именно беззащитны. Перед хамством, пустотой, невежеством. Они, в полной мере владеющие искусством тишины, не терпели суеты и громкости. Порой не успевали следить за быстро меняющимися настроениями и сценами из жизни, словно картинками за окном поезда. Нет, конечно же, они жили в настоящем. Но не в настоящем-преходящем, а в настоящем-вечном. В цветавском «Остановись - в небо ступнешь!»

Все это относится и к ним, нынешним. И к ней, Камбуровой. Эпоха «кислородного голодания» коснулась ее лишь внешне (отсутствием пластинок, записей, престижных концертов...), не затронув «душу живу». Она всегда дышала горным воздухом. Этот воздух, высота, простор, ветер, морские глубины... - ее стихии. Музыка, слово, драматическое искусство, клоунада, танец - составляющие ее таланта, ее творчества. Радость, негодование, боль, вера, трепет, надежда... - чувства, живущие в ее песнях. Перечислить их невозможно. Да и можно ли найти слова, обозначающие эти чувства? Настоящее неназываемо.

И все-таки. Любовь и одиночество, любовь и разлука, любовь и ее ожидание - основной ее лейтмотив.

... Вот она, опустив голову, сидит на стуле, в правом углу сцены. На нее опускается синий холодный свет. Она тихо поет, почти шепчет:

«Жаркий огонь полыхает в камине,
Тень моя, тень на холодной стене.
Жизнь моя связана с Вами отныне...
Дождик осенний, поплачь обо мне...»
Или вот-эта, как говорит Камбурова, «песня о многих из нас и обо мне в том числе» -

«Все будет завтра, будет завтра...
Еще немного продержись.
Погожий день и полный закром,
И замечательная жизнь!

Я завтра одолею лень, И что в кармане ни гроша...
Я понаряднее оденусь - И люди скажут: хороша!»

Сколько спасла эта, очень женская песня! Теряя веру, мы повторяли - то еле слышно, то отчаянно:

«И завтра дом мой обветшавший
Достоен будет сам собой...
И завтра друг мой запропавший
Придет здоровый и живой...

И неужели хватит духу
У злой Судьбы, у бытия
Убить счастливую старуху,
Которой завтра буду я?!

... Почти всегда помогало.



Помните фильм
Андрея
Тарковского

«Зеркало», его
начало? Сидит на
плетне женщина,
смотрит на
дорогу в
широком поле.

Саушаются
сумерки. В поле
поднимается
ветер. Он
приводит в
движение травы,
колосья, деревья...
Вот-вот будет
эроза. По дороге
приходит и
уходит человек.

Женщина
разговаривает с
ним.
Бескрайнее, с
предгрозовым
ветром поле -
так я чувствую
зал, в котором
поет Елена
Камбурова. Ветер
усиливается и
заставляет
плясать
непокорные
ветки. А
негромкий тот
разговор почему-то
слышнее...

Похожие - и по теме, и по интонации - строки есть у Ильи Эренбурга:

«И в крепкой ледяной обиде,
Сухой пургой обожжены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны...»

Два года назад Камбурова спасла и меня от беды и опустошения. Уход близких, непонимание друзей, болезни едва не сломили меня. Тогда, в 91-м, я потеряла интерес ко всему. Стала безразлична к телевидению, театру, истории, которую когда-то преподавала... К жизни в целом. Из этого состояния полнейшего оцепенения и душевного холода меня вывела Камбурова. Тогда я никуда, кроме ее концертов, не ходила. Это была единственная ниточка, связывающая меня с миром. Единственная волна, на которую я была настроена.

Из разговора с Дмитрием Дибровым:

- Трудно определить, что во мне поет. Есть песни - ты поешь и как бы забываешь себя. Иногда кажется, будто они написаны мной. Иногда возникает ощущение, что поет зрительный зал. Ощущение вибрации зала, душ зритель. Бывают такие выступления, такое удивительное внутреннее общение... Только после концерта я чувствую, что что-то свершилось...

- Это и есть главный секрет Камбуровой. Так же было и у Вертинского. А еще можно перефразировать Гете: «Всякий великий поэт - сначала великий, а потом - поэт». Так и певец: сначала великий, потом певец...

Что она поет сейчас? Из «старого», уже известного: Новеллу Матвееву, Юлию Кима, Булату Окуджаву... Марину Цветаеву, Осипа Мандельштама, Александра Блока, ахматовский «Реквием»... Классику. Левитанского, Галича, Высоцкого... А еще - на греческом, польском, английском. Но больше всего - на французском. Особенно - Ли Жака Бреля.

Из нового - мюзиклы: «Человек из Ламанча», «Иосиф и его братья», «Скрипач на крыше»...

Из вечного: пронзительное «Танго со смертью» голландца Германа Ван-Вейна. Пастернаковскую «Елку» на изумительную музыку Александра Луцкого:

«Только слышу польку вдали,
Кажется, вижу в замочную скважину:
Лампы задули, сдвинули стулья,
Пчелками кверху порх фитили, -
Масок и ряженых движется улей.
Это за щелкой елку зажгли.

Великолепие выше сил
Туши, и сепии, и белил,
Синих, пунцовых и золотых
Львов и танцоров, львиц и франтих.
Рябные блузок, пенные дверей,
Рев карапузов, смех матерей...

После того как я услышала «Елку» (у Пастернака «Вальс с чертовщиной»), эти стихи без мелодии уже не воспринимались. Они удивительно легко поются. Под них хочется танцевать. И летать. Вместе с Пастернаком и Камбуровой мы попадаем в детство. Видим праздничную залу, зажженную елку, свечи... Совсем недавно, на дне рождения моей ученицы, вставая из-за стола, мы неожиданно пропели втроем:

«Мало-помалу толпою усталой
Гости выходят из-за стола...»

И чуть позже около полутемного дома: «Улицы зимней синий испуг...»

Год назад Камбурова посвятила эту песню сидящей в первом ряду Анастасии Ивановне Цветаевой...

Из разговора с Дмитрием Дибровым:

- Песни Елены Камбуровой... Все они такие чудные, все такие неуместные в этом квадратно-модульном мире...

- Мы существуем как бы на островах. Иногда мне кажется, я - корабль, который плывет каким-то чудом... Я хорошо знаю, где я...

Каждый, даже самый счастливый в личной жизни человек нередко пребывает в состоянии одиночества. Кажется, никому ты не нужен. Есть какой-то внутренний мир, внутреннее богатство... И внутренний герой-рыцарь, который придет когда-нибудь или не придет никогда. Но главное - ты можешь ждать его. Ты способен его ждать...

«Есть такое ремесло - рыцарь-одиночка» - слова из одной ее песни. «Рыцарь» - понятно. «Одиночка», увы, тоже. Настоящее, гениальное, боевое - в любом жанре - редко оценивается современниками по достоинству. Особенно в России, талантами богатой, и потому, вероятно, так ими разбрасываемойся.

«Оголенные и предельные проблемы жизни... не привлекают рядового человека, но устроят, а порою ввергают его в ужас. Спасаются от них по-разному - в зависимости от пола, возраста, умственно-духовного уровня». Николай ЕЛЕНЕВ

Один из романов Хемингуэя называется «Острова в океане». А мне вдруг вспомнилась наивно-мудрая песенка Юрия Визбора, в которой есть бескитовые слова об острове и Робинзоне:

«Ты - мой остров, дружок, ты - мой остров.

Ты - мой остров, я - твой Робинзон...»

И простенькое у Визбора, и мудрое у Хемингуэя - ведь это вовсе не об островах, не об океане и даже не о Робинзоне. О преодолении мучительного одиночества, о погружении в одиночество, спасающее от повседневности и суеты. И еще. На острове живет не одна Камбурова. Мы, любящие ее, иногда тоже бываем там. Приплываем, прилетаем на Ее остров, чтобы стать (или попытаться стать!) Робинзонами, осваивающими вместе с ней необжитые, но прекрасные пространства. Мы готовы молчать, готовы слушать тишину, готовы работать сердцем и умом. Душою.

... Если есть такой остров, неужели мы не сумеем стать Робинзонами?

Наталья САВЕЛЬЕВА

Читайте в следующем номере:

- Рассказ о первом номере «УГ», который вышел 3 октября 1924 года, и очерк о Надежде Парфеновой
- Календарь педагогических событий 1994 года
- Спор о стандартах: прошлое это или будущее?..